

Доминанты современной политической культуры и трансформация политического управления

Туманов А. Д.^{1, 2}

¹ООО «Межрегионтеплосетьэнергоремонт ЦТС»

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; tumandr94@mail.ru

РЕФЕРАТ

Современное политическое управление все больше зависит от тенденций всеобщей глобализации, изменяясь в условиях глобальной миграции и постоянно создающихся и изменяющихся многонациональных сообществ. Данная статья направлена на анализ существующих доминант политической культуры, играющей значимую роль в системе современного политического управления. Целью работы является обоснование значимости изменения политического пространства для создания политики многообразия и включения, направленной на формирование современной политической культуры, отвечающей актуальным тенденциям управления в эпоху глобализации. Центральным исследовательским вопросом статьи является вопрос о том, какие точки политической культуры являются приоритетно трансформирующими для современной политической системы. В статье анализируются доминанты современной политической культуры, на которые следует обратить внимание как при теоретическом анализе, так и при принятии управленческих решений. Методом исследования выступает письменный экспертный опрос открытого типа — в опросе приняли участие 23 эксперта; объем полученного в результате опроса материала составляет 48 000 слов. Анализ и обработка информации производились с использованием методов систематизации, проблемно-управленческого проектирования и метода выделения проблемных доминант. Экспертные интервью позволили выделить ряд мер, которые политические власти могут предпринять для усиления трансформационного потенциала политической культуры. К ним относятся создание политических инициатив и легкодоступных возможностей для политической интеграции; развитие инклюзивного и толерантного общества через перераспределение ресурсов для помощи различного рода меньшинствам, нацеленное на то, чтобы помочь им понять и использовать свои права и обязанности; стимулирование креативности и инноваций как основы политической культуры нового типа. Результаты анализа экспертных интервью дополняют современные международные исследования по вопросам формирования новой политической культуры и ее влияния на формирование политической системы. В результате исследования автор приходит к выводу, что современная политическая культура предполагает контролируемое многообразие, и именно это является основой трансформации политической системы в ближайшем будущем. Основными доминантами политической культуры являются усиление значимости локального и, в частности, усиление значимости городской среды; развитие политической культуры мигрантов; инклюзивность политических сообществ, особенно на локальном уровне.

Ключевые слова: политическая система, политическая культура, инклюзивность, политическая интеграция

Для цитирования: Туманов А. Д. Доминанты современной политической культуры и трансформация политического управления // Управленческое консультирование. 2021. № 8. С. 128–138.

The Dominants of Contemporary Political Culture and the Transformation of Political Governance

Andrey D. Tumanov^{1, 2}

¹MTER CTS, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; tumandr94@mail.ru

ABSTRACT

Contemporary political governance is increasingly dependent on the trends of global globalization, changing in the context of global migration and constantly creating and changing multinational communities. This article aims to analyze the existing policies of social inclusion that form the basis of political culture, which plays a significant role in the system of modern political governance in the era of globalization. The aim of the paper is to substantiate the importance of changing the political space for creating a policy of diversity and inclusion, aimed at forming a modern political culture that meets the current trends in governance in the era of globalization. The major research issue of this paper is the question of which points of political culture are the most transformative for the modern political system. The article analyzes the dominant features of modern political culture, which should be paid attention to both in theoretical analysis and in making managerial decisions. The research method is an open-ended written expert survey — 23 experts took part in the survey; the volume of the material obtained as a result of the survey is 48,000 words. The analysis and processing of information was carried out using the methods of systematization, problem-management design and the method of identifying problem dominants. Expert interviews allowed us to identify a number of measures that the political authorities can take to strengthen the transformational potential of political culture. These include the creation of political initiatives and easily accessible opportunities for political integration; the development of an inclusive and tolerant society through the reallocation of resources to help various kinds of minorities, aimed at helping them understand and use their rights and responsibilities; and the development of creativity and innovation as the basis of a new type of political culture. The results of the analysis of expert interviews complement modern international research on the formation of a new political culture and its impact on the formation of the political system. As a result of the research, the author comes to the conclusion that modern political culture assumes controlled diversity, and this is the basis for the transformation of the political system in the near future. The main dominants of political culture are the strengthening of the importance of the local and, in particular, the strengthening of the importance of the urban environment; the development of the political culture of migrants; inclusiveness of political communities, especially at the local level.

Keywords: political system, political culture, inclusiveness, political integration

For citing: Tumanov A. D. The Dominants of Contemporary Political Culture and the Transformation of Political Governance // Administrative consulting. 2021. No. 8. P. 128–138.

Введение

Современные исследования [3; 5; 20; 23] отмечают возрастающую тенденцию к перемещению, смене места жительства, поиску новых мест работы, горизонтальной карьере и сезонной миграции. Глобализация и урбанизация открывают возможности для активного перемещения квалифицированных рабочих кадров, которые неизбежно стремятся принимать участие в политической жизни государства, в котором они живут [9]. Это значит, что процессы миграции и глобализации определенным образом трансформируют сложившуюся политическую культуру, а затем и всю политическую систему.

Современная политическая культура включает в себя индивидуальные установки, идеологии, представления, которые отрицают или принимают «других» в своей повседневности. Согласно классическому определению Г. Алмонда, политическая культура описывает определенную структуру ориентаций относительно политического действия [6; 7]. Политическая культура не совпадает с политической системой или обществом, поскольку структура ориентаций может простирается за пределы политических систем. Кроме того, политическая культура не является тем же самым, что и общая культура, поскольку сосредоточена на пространстве политического действия [1; 4].

Междисциплинарные исследования учитывают социальный и политический факторы как формирующие состояние культурного разнообразия в обществе как на государственном, так и на локальном уровне [2; 4]. Глобализация и связанные с ней процессы культурной и политической трансформации изменяют расстановку политических сил. Региональные и локальные сообщества из-за прироста населения приобретают новый формат общения и часто имеют свойство сепарироваться на социальные кластеры. Однако сегрегация в городской среде ведет к маргинализации и упадку всего сообщества [10]. Все это определяет важность таких дисциплин, как урбанистика, политическая социология, муниципальное управление и городское планирование [17] — все они так или иначе описывают и изучают политическую культуру на различных уровнях формирования политических сообществ. Политическая культура как основа формирования политической системы является сферой воспроизводства определенных стереотипов социального и политического поведения, она определяет и характеризует тип отношения человека к окружающему его, прежде всего, социальному и политическому мироустройству, определяет меру сохраняемого либо изменяемого человеком в окружающем мире. Отношения государства и политической культуры представляют собой диалоговое отношение: тип политической системы и государственная политика определяются именно теми латентными образцами, которые формирует политическая культура, но в своем осуществлении государственная политика оказывается фактором, оказывающим воздействие на сложившуюся политическую культуру как в том отношении, что может укреплять ее, усиливать ее воздействие, так и в том, что может вызывать ее сопротивление и ей отторгаться [15].

В этом отношении политическая культура напрямую связана с историко-культурной и историко-политической самоидентификацией человека и общества, и поэтому особенно актуальным является исследование тех трансформационных доминант, которые актуальны в данном историческом периоде формирования политической системы. Именно этой задаче посвящено исследование, положенное в основу данной статьи.

Методологическая основа исследования

Мультикультурализм и глобализация являются, по сути, доминантами современной политической культуры. В то же время классические и современные исследования демонстрируют, что культурное, национальное и этническое многообразие надо признавать, поддерживать и сохранять. Как элемент политической повестки, мультикультурализм представляет собой ряд реформ, направленных на управление человеческим разнообразием, сначала принимая и понимая этнокультурное начало индивида, определяя его потребности и моральные устои, и затем используя эти знания для формирования современной политической системы [14]. Культурная принадлежность является частью дискурса и не может являться причиной превосходства, а только отправной точкой для развития социальных связей и вовлечения. Идентичность личности может меняться, так же как и ее принадлежность к культуре, в связи с переездом, сменой круга общения или другими факторами может измениться [18]. На данный момент общество становится все более открытой системой, где обмен человеческим капиталом происходит быстро и предрасполагает к стиранию культурных границ.

Центральным исследовательским вопросом данной работы является вопрос о том, какие точки политической культуры являются приоритетно трансформирующими для современной политической системы? Другими словами, на что в современной политической культуре следует обратить внимание как при теоретическом анализе, так и при принятии управленческих решений?

Учитывая сложный и комплексный характер поставленного исследовательского вопроса, методом исследования был выбран письменный экспертный опрос открытого типа. В качестве экспертов выступили:

- представители политологического сообщества (участники IV Съезда Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов» в 2020 г.) — 7 экспертов;
- члены Общественной палаты Российской Федерации шестого созыва — 4 эксперта;
- члены региональных отделений Российского общества политологов — 12 экспертов.

Все эксперты отвечали на вопросы в письменном виде, развернутыми предложениями. Часть экспертов предоставила свои телефонные контакты, они использовались для уточнения и дополнения информации. Объем полученного в результате опроса материала составляет 48 000 слов. Анализ и обработка информации производились с использованием методов систематизации, проблемно-управленческого проектирования и метода выделения проблемных доминант.

Результаты анализа

Первый блок вопросов, предложенных экспертам, касался значимости политической культуры в процессах трансформации политической системы. Эксперты подтвердили эту значимость и отметили, что идея перестройки политической системы строится на идее о постоянно изменяющейся модели локальной культуры, которая принимает новые нормы, модели поведения, ценности, в ответ на изменение состава общества. Легальные и административные нормы также становятся частью этого изменяющегося дискурса, включая в него все социальные и политические институты. Это и означает процесс влияния культуры на трансформацию политической системы.

В качестве примера несколько экспертов привели страны, которые наилучшим образом адаптировались к текущим культурным доминантам, связанным с мультикультурализмом и глобальностью. Такими странами можно считать Австралию и Канаду. Вводя новые нормы, они стремились максимально выиграть от социального разнообразия во всех сферах жизни, предполагая более разрушительный эффект от социальной дезорганизации и упущенных возможностей для персонального развития, ведь основной целью культуры является приращение культурного капитала. В данных странах удалось провести от теории к политическому решению тезис о том, что современный вариант мультикультурализма базируется лишь на принципе формальной толерантности, т. е. формально соглашаясь с существованием другой культуры, но при этом не принимая ее как ценную и равноправную часть культуры всего общества. Однако такая форма сепаратной толерантности может служить первым шагом, предпосылкой к более сложному процессу полноценной интеграции.

Второй блок вопросов касался тех трансформаций, которые становятся актуальными и доминирующими сегодня, вытесняя или дополняя доминанты мультикультурализма и глобализации. Таких доминант было выделено несколько. Во-первых, это усиление значимости локального, и в частности усиление значимости городской среды. Децентрализация и специализация порождают все больший интерес к городу, как к самостоятельной и самодостаточной единице, в которой сконцентрировано многообразное общество. Международная миграция вносит существенный вклад в эволюцию социальных отношений. Города являются местом аккумуляции международных финансовых, корпоративных, коммерческих активов, которые, в свою очередь, создают увеличение рабочих возможностей для профессионалов всех уров-

ней и которые характеризуются постоянной сменой населения. Городские власти таких территорий приобретают большое значение, за счет капиталоборота и значимости города как самостоятельного актора на международной арене. Люди склонны доверять локальным авторитетам, легитимность которых строится на идее близости к народу, более детальном наблюдении и решении проблем населения. Говоря об устранении прямой связи между национальной миграционной политикой и интеграцией на местном уровне, эксперты обозначали «локальный поворот», который действительно трансформирует систему политического управления и требует многоуровневого перераспределения ответственности, между национальными и локальными властями. Органы местного управления могут получать контроль и политическую силу за счет кооперации с наднациональными институтами, такими как ЕС, и участвуя в программах устойчивого развития, таких как «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и ставя перед собой задачи международного масштаба. Кроме того, относительно новой сферой развития политической культуры городов и в целом локального уровня является международное сотрудничество муниципалитетов и городских организаций (TCN: Transnational city networks). Целью TCN является создание основы для сотрудничества городов на более широком уровне, чем национальный. Транснациональные (или глобальные) городские сети (Transnational city networks) становятся лидерами в решении глобальных и специализированных проблем, например, в вопросах миграции и интеграции, политического убежища, экологии и т.п. Основная деятельность TCN состоит в обмене информацией и опытом, демонстрации и распространении инновационных идей, поиске международной поддержки, определении общих стандартов и т.д. Так города начинают становиться самостоятельными акторами в политическом процессе, а городское население — субъектами новой политической культуры, что естественно трансформирует сложившуюся политическую систему.

Вторая доминанта, выделенная экспертами, носит проблемный характер и связана с особенностями политической культуры мигрантов в современных государствах. Очень часто мигранты относятся к экономико- и социально-маргинализированным группам населения и не имеют права голоса. Это означает, по сути, отсутствие политического участия как элемента политической культуры: у них нет доступных каналов связи как с обществом, так и с местными органами власти, они лишены всякой возможности влиять на городское и региональное развитие, участвовать в процессе принятия политических решений, напрямую их касающихся. Отсутствие должной юридической помощи, дискриминация в профессиональной и образовательной сферах ведут к невозможности получить лицензию на работу, переqualificироваться или перезачесть имеющееся образование. Таким образом, угнетенные меньшинства не имеют возможности вырваться из этого положения, оставаясь неуслышанными. Концентрация жителей без реальных политических прав влияет и на общий уровень репрезентации (в том числе и для тех, кто является полноправными гражданами), так как совокупные местные интересы недостаточно и фрагментировано представлены в формальных институтах. В то же время наблюдается сохранение связей мигрантов с международной диаспорой, а бизнес, организованный мигрантами, способствует диверсификации городской экономики, привнося сравнительные преимущества в привлечении высокодоходного персонала.

Третья доминанта, выделенная экспертами, касается инклюзивных практик и инклюзивной культуры в целом. Как показывают исследования, города с высоким уровнем социэкономического неравенства имеют меньшую привлекательность для вложения капитала и, соответственно, для поддержания конкурентоспособности. Поэтому социальная инклюзия — это не важный элемент для привлечения капитала, а наоборот, в результате повышения привлекательности города достигается и инклюзия, повышая возможности к всеобщему участию и отражаясь на социаль-

ном устройстве. В любом случае, социальная инклюзия является необходимой частью современной политической культуры, и формироваться данный постулат начинает именно с локального уровня. Курс на создание и развитие смешанных территорий остается популярным среди политических деятелей, которые опираются на предположение о позитивном влиянии социального разнообразия на общий уровень политической культуры.

Третий блок вопросов носил проективный характер и касался тех мер, которые правительства могут предпринять, чтобы учесть культурные доминанты трансформации современной политической системы. К таким мерам эксперты отнесли следующие.

1. Создание политических инициатив и легкодоступных возможностей для интеграции. Возможности городских администраций в осуществлении адаптационной политики часто ограничены уровнем автономии, недостаточным финансированием, отсутствием специалистов и профессиональной коммуникации, в то время как централизованная политика в таких вопросах может, и часто приводит, к непродуктивному распределению ресурсов, ущемлению прав отдельных граждан, неспособности увидеть побочные воздействия от политики. Государственные и местные функции могут совпадать или, наоборот, упускать этапы в работе с отдельными категориями граждан. Тем не менее, возможности для диалога и дебатов на максимально низком уровне должны быть найдены, инклюзия не может быть достигнута через принудительные меры. Организация общественных консультаций с группами мигрантов предоставляет возможность полноценного участия в принятии решений муниципального уровня.

2. Перераспределение ресурсов для помощи различного рода меньшинствам, нацеленное на то, чтобы помочь им понять и использовать свои права и обязанности и может стать основой становления инклюзивного и толерантного общества. Социальное и географическое происхождение играют важнейшую роль на начальных этапах адаптации, что заставляет адаптировать политику включения в зависимости от этих факторов, однако и юридический статус — фактор, значительно влияющий на взаимодействие мигранта с местным сообществом. Эксперты подчеркивают необходимость включения голоса меньшинств в общественный дискурс и обсуждение глобального управления, на основе собственного опыта работы в поле — с мигрантами, принимающими сообществами, местными властями и частными организациями. Фокус на мнении представителей меньшинств предоставляет им активную роль и возможность реального участия для удачной и прогрессивной интеграции. Репрезентативная демократия достигается через участие всех групп, поощрение этого участия на уровне администрации необходимо. Безусловно, существует необходимость мотивирования мигрантов к участию в политических практиках. Поэтому политико-культурная повестка уделяет максимальное внимание защите культурных прав, участию и разнообразию культурных практик и включает в себя создание платформ для культурного обмена и диалога; минимизация этнического, культурного и религиозного противостояния внутри местного сообщества; развитие культуры принятия (сюда относятся информационные брошюры, поощрение и стимулирование участия, межведомственная кооперация, антидискриминационные кампании).

3. Развитие креативности и инноваций, формирование политической культуры нового типа за счет использования навыков работников с различным происхождением: мультикультурный персонал способен повысить гибкость производства, поскольку это способствует быстрому приспособлению и реагированию в рамках всей структуры. Новые городские акторы способны занять доминирующие позиции в управлении на местном уровне и привнести работающие стратегии формирования новой политической культуры.

Обсуждение и выводы

Результаты анализа экспертных интервью дополняют современные международные исследования по вопросам формирования новой политической культуры и ее влияния на формирование политической системы [11; 13; 19]. Особенно это касается вопросов меньшинства (в том числе мигрантского) и инклюзии. Сегодня статус меньшинства основывается не только на объективных характеристиках, но и на субъективных, связанных с социальным отношением. Меньшинство как группа населения характеризуется языком, культурой, религией и этнической принадлежностью, но в то же время доступом и возможностью управлять и контролировать властные институты, а точнее — удаленностью от этих институтов и отказом в доступе к ним. При таком определении меньшинством может стать и часть местной популяции, при ее исключении из системы, маргинализация локальных сообществ не исключена. Вместе с процессом появления меньшинства происходит и процесс «навешивания ярлыков» и стигматизация [16]. Первое впечатление от человека создает определенный образ, связанный с ранее полученными социальными установками, и позволяет определить его в определенную группу. Стигматизированный человек обладает качествами неполноценного индивида, с каким-то дефектом (подпорченного), хотя данная ситуация касается не объективно нежелательных качеств, а соответствующих представлениям о персоне в данной группе. Люди могут стать социально исключенными по множеству факторов: материальному, языковому, национальному, из-за инвалидности, возрастному и т.д. Меньшинства в стране дискриминируются на разных уровнях: начиная от сроков и условий работы, лицензирования профессиональных дипломов, до бытовой дискриминации [8]. В больших городах это часто приводит к сепарации групп мигрантов, геттированию районов, и еще большей социальной эксклюзии, как следствие.

Культура распределения власти между представителями отдельных групп может рассматриваться как инклюзивная и в то же время как эксклюзивная. Сам факт категоризации людей в группу «социально исключенных» делает их таковыми. Некоторые специалисты-практики убеждены в том, что сама идея социального исключения не должна быть развиваема и полное социальное включение недостижимо. Невозможно отрицать, что решение институционализировать доступ к власти одних практически автоматически исключает других. В этом отношении целью интеграции как новой культурной доминанты современной политической системы становится избавление от стигмы в глазах принимающего общества, которое может быть достигнуто лишь посредством систематической работы на всех уровнях власти и во всех сферах жизни.

Современные всемирные и национальные декреты могут задать определенное направление развития политики мультикультурализма. Формальная толерантность уже присутствует во многих сферах жизни, однако до инклюзии еще довольно далеко. Решения на высоком уровне не способны в полной мере осуществлять реальные действия по созданию культурно разнообразного сообщества, такие компетенции должны быть спущены на местный уровень. Локальные власти выражают мнение населения, как самая близкая к ним ветвь власти и, соответственно, легитимизируются в глазах как населения, так и надгосударственных организаций, становясь полноправными акторами внешней политики. Однако любые попытки обучить, изменить модель поведения и даже мышления могут быть рассмотрены и как «цивилизационная миссия» разрозненного характера. Под влиянием глобализации и стирания границ вопросы социального разнообразия становятся все более актуальными и комплексными. Введение новых общественных практик требует множества специалистов разных областей, достижение демократических целей становится все более сложным. Перед органами государственной власти неизбежно встает дилемма выстраивания равного доступа к ресурсам власти для всех жителей: с одной стороны, искусствен-

ное создание репрезентации различных социальных групп, но и впоследствии ухудшение положения других меньшинств; с другой стороны, унифицированное, но более слабое смягчение неравенства между различными социальными слоями.

В любом случае, очевидно недостаточно, чтобы применяемая мера была названа социально инклюзивной и доступ к ресурсам, действию или месту был открыт для всех. Необходимо активное участие представителей всех групп населения, принятие во внимание мнения тех, кто боится говорить и не считается значимым, ведь только такими действиями может осуществляться мирное и сбалансированное сосуществование культурно разнообразного сообщества. Разнообразие без должного уровня реального участия ведет к сегрегации, стигматизации и общей маргинализации. В подобных условиях одним из решений может стать создание условий для облегчения межпространственной коммуникации чрезвычайно неоднородного населения. Горизонтальная кооперация и перераспределение власти между множественными акторами, напрямую сотрудничающими с местным сообществом, однозначно показывают свою эффективность [22].

Оставляя в стороне правовые реформы и общенациональные проекты, на локальном уровне нужно сфокусироваться на практиках, основной целью которых будет отдельная и четко определенная группа населения небольшой территории. Политическая культура предполагает контролируемое многообразие [21; 25], и именно это является основой трансформации политической системы в ближайшем будущем. Неслучайно одним из ведущих терминов во всех экспертных ответах был «инклюзивность». Инклюзия отличается от общего термина толерантность, означая более глубокое и качественное взаимодействие во всех сферах жизнедеятельности, основанное на принятии и уважении другой культуры.

В то же время, культурное многообразие как путь развития общества вызывает дебаты: положительные влияния на экономический рост иммиграционных городов могут способствовать упадку, «утечки мозгов» эмиграционных регионов [24]. Это ставит новые задачи перед государством и обществом, и эти задачи связаны с формированием нового типа политической культуры — культуры инклюзии. Современные государства на различных уровнях управления вынуждены находить решения для достижения высокого уровня социального включения, и в то же время улучшая экономические показатели, которые завязаны на уровне социально-экономического неравенства. Плотность населения возрастает, современные города не только физически расширяют свои границы, но и специализируются и транснационализируются. Экономический рост и концентрация наиболее прибыльных фирм неизбежно влияют на демографическую ситуацию, вызывая поток как профессионалов международного уровня, так и работников фирм, их обслуживающих. Муниципальные акторы получают признание собственной важности на международном уровне, в ЕС, ООН, транснациональных корпорациях. Это существенно трансформирует политическую культуру и политические ценности.

В заключение необходимо сделать ремарку по поводу распространенной сегодня практики перенятия лучшего опыта других городов, территорий и стран. Очевидно, что ни одна стратегия, связанная с культурной диверсификацией, не может быть воспроизведена с идентичными параметрами и результатами [12]. Причина этому — социальные факторы, определяющие поведение как принимающего общества, так и интегрируемых. Интеграция — процесс обоюдного изменения и выстраивания среды, обеспечивающей равенство и принятие. Культурное многообразие должно быть правильно использовано в процессе трансформации политической системы, а механизмы социальной инклюзии необходимо реконструировать в соответствии с культурными особенностями местного населения и социальных групп, его составляющих.

Литература

1. Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 7–22.
2. Еремеева Л.Н., Плисецкий Е.Л. Региональная политика в современной России: особенности формирования и реализации // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 6. С. 4–11.
3. Карпова Н.В. Политический «генотип» как структурный элемент политической культуры // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 134–149.
4. Ковалев В.В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Уч. зап. СКАГС. 2014. № 1. С. 179–184.
5. Пеньков В.Ф. Политическая культура и политические процессы как объект исследования: методологический аспект и постановка задач // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 229–242.
6. Almond G. The Politics of the Developing Areas. Princeton University Press, 1960.
7. Almond G., Powell G. B. Comparative Politics: a Developmental Approach. Boston, 1966.
8. Bentley J. R., Breland J. W., Ning Xu E. D., Campion D. & Treadway C. The political skill and will of expatriates in acculturating to the politics of an organization in a new culture // International Journal of Intercultural Relations. 2015. N 49. P. 343–353.
9. Burns D., Hambleton R., Hoggett P. The politics of decentralisation: revitalising local democracy. London : Macmillan, 1994.
10. Çaglar A., Schiller N. G. Migrants and city-making: Dispossession, displacement and urban regeneration. Duke University Press, 2018.
11. Cairney P., Zahariadis N. Handbook of Public Policy Agenda Setting (Chapter 6: Multiple Streams Approach: a Flexible Metaphor Presents an Opportunity to Operationalize Agenda Setting Processes). Princeton University Press, 2016.
12. Cooke P., Rehfeld D. Path dependence and new paths in regional evolution: in search of the role of culture // European Planning Studies. 2011. N 19. P. 1909–1929.
13. Ferris G. R., Frink D. D., Galang M. C., Zhou J., Kacmar K. M., Howard J. E. Perceptions of organizational politics: Predictions, stress-related implications, and outcomes // Human Relations. 1996. Vol. 49. P. 233–266.
14. Fincher R., Iveson K. Planning and Diversity in the City: Redistribution, Recognition and Encounter. Palgrave Macmillan, Houndmills/New York, 2008.
15. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life. New York : Basic Books, 2002.
16. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Simon and Schuster, 2009.
17. Hillman A. L., Swank O. Why political culture should be in the lexicon of economics // European Journal of Political Economy. 2000. Vol. 16. P. 1–4.
18. Hofstede G. The cultural relativity of organizational practices and theories // Journal of International Business Studies. 1983. N 14. P. 75–89.
19. Lawson L., Kearns A. Rethinking the purpose of community empowerment in neighbourhood regeneration: the need for policy clarity // Local Economy. 2014. N 29. P. 65–81.
20. Neal S. Transition culture: politics, localities and ruralities. Journal of Rural Studies. 2013. N 32. P. 60–69.
21. Oliveira C., Breda-Vazquez I. Creativity and social innovation: what can urban policies learn from sectoral experiences?: Creativity and social innovation in the Oporto city-region // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. N 36. P. 522–538.
22. Pardo T. A., Cresswell A. M., Thompson F., Zhang J. Knowledge sharing in cross-boundary information system development in the public sector // Information Technology and Management. 2006. N 7. P. 293–313.
23. Rao A. N., Pearce J. L. Should management practice adapt to cultural values? The evidence against power distance adaptation // Cross Cultural & Strategic Management. 2016. N 23. P. 257–286.
24. Skoric M. M., Park Y. J. Culture, technologies and democracy: a cross-national analysis of political development // Telematics and Informatics 2014. N 31. P. 364–375.
25. Vigoda-Gadot E. Developments in organizational politics: How political dynamics affect employee performance in modern work sites, Edward Elgar Publishing, 2003.

Об авторе:

Туманов Андрей Дмитриевич, коммерческий директор ООО «Межрегионтеплосетьэнерго-ремонт ЦТС» (Москва, Российская Федерация), аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); tumandr94@mail.ru

References

1. Batalov E.Ya. Political culture of Russia through the lens of civic culture // *Pro et contra*. 2002. Vol. 7. N 3. P. 7–22. (In rus)
2. Ereemeeva L.N., Plisetsky E.L. Regional policy in modern Russia: peculiarities of formation and implementation // *Economics. Taxes. Law* [Ekonomika. Nalogi. Pravo]. 2013. N 6. P. 4–11. (In rus)
3. Karpova N. V. Political “genotype” as a structural element of political culture // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya]. 2016. N 2. P. 134–149. (In rus)
4. Kovalev V.V. Civic culture as the basic construct of civil society // *State and municipal administration. SCAGS academic notes* [Gosudarstvennoe i munitsipal’noe upravlenie. Uch. zap. SKAGS]. 2014. N 1. P. 179–184. (In rus)
5. Penkov V.F. Political culture and political processes as an object of study: methodological aspect and setting of tasks // *Social and humanitarian knowledge* [Sotsial’no-gumanitarnye znaniya]. 2019. N 8. P. 229–242. (In rus)
6. Almond G. *The Politics of the Developing Areas*. Princeton University Press, 1960.
7. Almond G., Powell G. B. *Comparative Politics: a Developmental Approach*. Boston, 1966.
8. Bentley J.R., Breland J.W., Ning Xu E.D., Campion D. & Treadway C. The political skill and will of expatriates in acculturating to the politics of an organization in a new culture // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. N 49. P. 343–353.
9. Burns D., Hambleton R., Hoggett P. *The politics of decentralisation: revitalising local democracy*. London : Macmillan, 1994.
10. Çaglar A., Schiller N.G. *Migrants and city-making: Dispossession, displacement and urban regeneration*. Duke University Press, 2018.
11. Cairney P., Zahariadis N. *Handbook of Public Policy Agenda Setting* (Chapter 6: Multiple Streams Approach: a Flexible Metaphor Presents an Opportunity to Operationalize Agenda Setting Processes). Princeton University Press, 2016.
12. Cooke P., Rehfeld D. Path dependence and new paths in regional evolution: in search of the role of culture // *European Planning Studies*. 2011. N 19. P. 1909–1929.
13. Ferris G.R., Frink D.D., Galang M.C., Zhou J., Kacmar K.M., Howard J.E. Perceptions of organizational politics: Predictions, stress-related implications, and outcomes // *Human Relations*. 1996. Vol. 49. P. 233–266.
14. Fincher R., Iveson K. *Planning and Diversity in the City: Redistribution, Recognition and Encounter*. Palgrave Macmillan, Houndmills/New York, 2008.
15. Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How It’s Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life*. New York : Basic Books, 2002.
16. Goffman E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Simon and Schuster, 2009.
17. Hillman A. L., Swank O. Why political culture should be in the lexicon of economics // *European Journal of Political Economy*. 2000. Vol. 16. P. 1–4.
18. Hofstede G. The cultural relativity of organizational practices and theories // *Journal of International Business Studies*. 1983. N 14. P. 75–89.
19. Lawson L., Kearns A. Rethinking the purpose of community empowerment in neighbourhood regeneration: the need for policy clarity // *Local Economy*. 2014. N 29. P. 65–81.
20. Neal S. Transition culture: politics, localities and ruralities. *Journal of Rural Studies*. 2013. N 32. P. 60–69.
21. Oliveira C., Breda-Vazquez I. Creativity and social innovation: what can urban policies learn from sectoral experiences?: Creativity and social innovation in the Oporto city-region // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. N 36. P. 522–538.
22. Pardo T.A., Cresswell A. M., Thompson F., Zhang J. Knowledge sharing in cross-boundary information system development in the public sector // *Information Technology and Management*. 2006. N 7. P. 293–313.

23. Rao A.N., Pearce J.L. Should management practice adapt to cultural values? The evidence against power distance adaptation // *Cross Cultural & Strategic Management*. 2016. N 23. P. 257–286.
24. Skoric M.M., Park Y.J. Culture, technologies and democracy: a cross-national analysis of political development // *Telematics and Informatics* 2014. N 31. P. 364–375.
25. Vigoda-Gadot E. *Developments in organizational politics: How political dynamics affect employee performance in modern work sites*, Edward Elgar Publishing, 2003.

About the author:

Andrey D. Tumanov, Commercial Director of LLC MTER CTS (Moscow, Russian Federation), Graduate Student of the Chair of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); tumandr94@mail.ru